

8. *Ерохин И.Ю.* Унификация казачьего законодательства как тенденция деятельности правительства и централизованного государственного аппарата XIX – первой четверти XX вв. // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 2. – С. 47-50.

9. *Бентковский И.В.* Заселение Черномории с 1792 по 1825 годы Иосифа Бентковского. – [Б. м.], 1880. – 216 с.

10. *Лантева Л.Е.* Исследования обычного права народов Российской империи в XIX веке // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 101-109.

The problem of continuity and effectiveness of legal traditions of Zaporizhzhya cossacks and Black sea cossacks in the late XVIII century - early XX century

T.V. Faroi

*the candidate of jurisprudence, the senior lecturer
Kuban state university, Krasnodar*

Article reveals continuity of legal traditions of Zaporizhzhya cossacks and Black sea cossacks. According to the author, common law in the late XVIII century - early XIX century was the only regulator of public relations. Article shows, that very Black sea cossacks was the initiator and co-partner of state in field of legislative initiatives. Author analyzes the legal act "Order of common good", composed of military administration in 1794. Article concluded, that effectiveness of implementation of customary rights of cossacks.

Keywords: XVIII - XX centuries, Russian Empire, Zaporizhzhya Sich, Kuban, Black sea cossack army, customary law, "Order of common good", legal continuity, jurisdiction.

УДК 340.14;39;316.34;316.35(470.62)19/20

Роль станичного атамана в системе обычно-правовых воззрений кубанских казаков

в XIX - начале XX вв.

Т.В. Фарои, О.В. Матвеев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Авторы статьи предприняли попытку соотнести декларируемый и реальный статус станичного атамана в обычно-правовых воззрениях кубанских казаков в XIX - начале XX вв. Исследование проведено на базе научно-исследовательской литературы, архивных и опубликованных источников, а также на материалах полевых исследований, проводившихся в кубанских станицах в течение 1993-2005 гг. В статье сделан вывод о том, что казачий атаман являлся в народных представлениях гарантом сохранения системы ценностей.

Ключевые слова: XIX - XX вв., Кубань, казачий атаман, обычно-правовая система казачества, статус, станичный сбор, потестарная власть, обычное право, полевые исследования.

П.Г. Виноградов – известный дореволюционный исследователь права – отмечал важность изучения таких правовых норм, которые установлены не законодателем и не профессиональными юристами, а возникли из народных воззрений и основаны на таких стереотипах поведения, которые лежат в основе народного понимания справедливости [1, с. 92].

В этом плане огромный интерес, на фоне возрождающихся в РФ казачьих институтов, представляет обычно-правовая система казачества. Она представляла собой вербальное «общественное предписание», выработанное применительно к непосредственному объекту правового регулирования в виде правил поведения, запретов и т.п. Формирование общественных предписаний у казачества прошло длительный и сложный путь, в результате которого субъекты обычного права, на основе преемственности и передачи из поколения в поколение исходной общественно-регулятивной информации, фиксировали действие юридических норм. Этот процесс протекал «снизу», а не «сверху», более объективно и точно выражая волю и воззрения казаков, нежели официальные положения о статусе, правах и обязанности казачьих общинных институтов [2, с. 65].

Авторы предлагаемой статьи предприняли попытку соотнести декларируемый и реальный статус станичного атамана в обычно-правовых воззрениях кубанских казаков в XIX – начале XX вв. Исследование проведено на базе опубликованных источников этого времени, а также на материалах полевых исследований, проводившихся в кубанских станицах в течение 1993–2005 гг.

В конце XVIII в. – первой половине XIX в. суровость и патриархальность эпохи отразилась на образе куренного, а затем и станичного атамана. Такой атаман в казачьих рассказах часто был излишне, по-патриархальному, суров, как и само время, в которое жили казаки. Дореволюционный бытописатель станицы Дмитриевской отмечал: «Особенно продолжительно и тягостно было для Дмитриевцев владычество некоего Т.А.П., память о котором долго сохранится в народе, благодаря рассказам стариков-современников П., а их еще много в живых... Способы наказания у него были разнообразны: бил кулаками, топтал ногами, порол розгами, стегал кнутом, угощал рогатиной, ставил на колени против церковных ворот в праздники и проч. От телесного наказания не освобождались и женщины» [3, с. 219–220]. Таких атаманов в народных представлениях обязательно ждёт наказание Божье: «В один прекрасный день единственного сына П., бывшего в офицерском чине, застрелил товарищ во время попойки, сам же П. (через три года) нечаянно сжег себя карболкой, жена его умерла скоропостижно в 40-й день по кончине мужа. Деньги, оставшиеся по смерти их, неизвестно куда исчезли, имущество их не пошло наследникам впрок, оно разлетелось по ветру» [3, с. 221].

Впрочем, даже суровость начальника нередко оправдывалась в народном патриархальном сознании тем, что это был «свой» командир, «батюшка родной». В песне о Бабыче говорится: «Говорили, Бабыч злой, / Бабыч, батюшка родной, / Он грозил и кричал, / Но под суд нас не отдавал» [4, с. 62]. Песня, записанная в ст. Отрадной, рассказывает: «Говорят, Семенкин злой, / А он батюшка родной. / Он по локоть отдерёт. / Да под суд не отдаёт» [4, с. 51].

Станичному атаману в системе социальных ролей казачьего общества отводилась ведущая и непростая роль [5, с. 201–202, 209]. В образе атамана, знающего интересы станицы и соблюдавшего справедливость, воплощалась идея народного права. Уроженец ст. Кавказской Ф.И. Елисеев, будучи в эмиграции, в своих воспоминаниях писал: «Атаман избирался закрытой баллотировкой членов станичного сбора сроком на три года. Перед его выборами, еще за несколько месяцев до Нового года, все казаки в станицах, даже и женщины, все тщательно обдумывали – кого избрать, т.к. от личности атамана, от его энергии и умения вести дела – многое зависело в благополучии станичного порядка и хозяйства. И если все станичные дела решал сбор стариков, то атаману принадлежало право личной инициативы. И хотя “старики” на станичных сборах, порою “бурно” шумели, но к последнему слову своего атамана чутко прислушивались». В этом ярко сказывались казачий консерватизм и патриархальность станичной и семейной жизни.

Обыкновенно, в станичные атаманы выдвигались два-три кандидата, но ко дню баллотировки оставалось двое. Эта должность являлась и почетной и выгодной в получаемом жаловании, но, чтобы кто из казаков сам намекал бы о своем желании быть атаманом – не могло быть и речи. Такого кандидата казаки немедленно бы выбросили из своих голов, поскольку, согласно казачьему укладу жизни и психологии, – казаку надо быть скромным и даже отказываться от такой должности. Заносчивых, самовлюбленных и властных людей казаки не любили. Каждый кандидат всегда взвешивал свои силы и часто искренне отказывался от предложения, уступая это право лучшему. Если же кандидаты оказывались равными по своим достоинствам, то на станичном сборе случались «шумные доказательства» противоположных сторонников. Кандидаты, из скромности, никогда не присутствовали на этом решающем сборе. И после закрытого голосования, которого старики затаенно ждали тут же, в станичном правлении, обыкновенно около полуночи – новый атаман приветствовался громким «ура», его немедленно же вызывали и поздравляли. Причем дело никак не могло обойтись «без могогарыча». И тогда обе стороны сразу же забывали о разногласиях, гурьбою

шли в местный трактир, и там новый атаман щедро угощал тех, кто был с ним. Два ведра водки, т.е. 8 четвертей государственной монополии – считалось скромным угощением» [6, с. 51-52]. В воспоминаниях Ф.И. Елисеева – певца казачества в зарубежье – присутствует явная установка на образ идеального атамана, отвечающего традиционным казачьим воззрениям. Между тем, попадались среди станичных атаманов люди разные, в том числе и не всегда отстаивающие интересы станицы. Достаточно посмотреть подшивку «Кубанских областных ведомостей» за 1880-е гг., а также за первые десятилетия XX в., чтобы убедиться в этом. Материалы полевых исследований также рисуют черты атамана скорее ожидаемого, декларируемого, нежели реального.

«Казачи атамана выбирали, – вспоминал А.У. Новоселецкий (1921 г. рождения). – И хозяин, и справедливость, штоб он командовал станицей. У нас бурьяна не было. Строгий был! Если я провинился, набедокурил, меня вызывают – тыжневой... до атамана. Он не судит (не отдает уголовному суду. – Т.Ф., О.М.), самосудит. Й-й-а! Пощёчина! Как не было на ногах! Второй раз! “Так, иди и вот это тебе дорога. Штоб ты за три дня убрал и доложил... А все смиються. Это ж позор!”» [7].

И.Ф. Гордиенко также отмечал: «Годи ж судов ны було... А если я пиймавсь, значить мэни вызывают тоди в совет (к атаману. – Т.Ф., О.М.) и самосуд мне сделают хороший, а после того уже я красть нэ пиду, и другим не дам» [8]. Лишь в случаях, из ряда вон выходящих, связанных с тяжкими преступлениями, атаман делал исключения. Так, убийцы передавались в отдел: «Одна женщина, узнав, что её соседка родила и утопила ребёнка, побежала к атаману: “Господин атаман! Иванова вот так и так, родила, а ребёночка-то нет!”. Тут вызывает атаман и понеслось, вот за это дело уже в отдел, а там как ахнут на каторгу, зато, шо ты убила ребёнка» [9].

В представлениях станичников, атаман обязан был проявлять нетерпимость к развратникам и пьяницам. «У нас тут Сокол был, фамилия, – рассказывал С.Г. Быбик. – Тоже, любил выпить. Горшки были глиняные, и чашки, и миски, и глэчики, большие макитры. А вин прийдэ пьяный, побье. Жинка терпела, терпела, пошла и доложила атаману. Вин вызвав його: “Шо ж ты, стерва, каже, водку так прывык пить? Напився, так ты прыходь и лягай, а шо ж ты, каже, посуду бьёшь?...” И по морде ему дав. С тех пор Сокол с год вообще нэ пив водку» [10]. И.В. Данилов из ст. Преградной вспоминал: «Наступила страда. Жнут хлеб. А он (казак. – Т.Ф., О.М.) пьёт. Его семейство в поле. А он пьёт. Стало известно атаману. Приехал атаман, встретил его, конечно, пьяный. Тот угостил его нагайкой и сказал: “Што ж ты тут делаешь? Твоя семья работает, а ты? Сколько у тебя посеяно?” Он говорит – так. “Завтра я приезжаю смотреть работу. Вся работа должна быть закончена. Вот, за остаток сегодняшнего дня, завтрашнего дня... Завтра вечером я посмотрю”. Ну, што ж, слово атамана было законом. Куда хмель подевался! Он мобилизовал кого, только мог из родственников. Конечно, всё было сделано» [11].

И.А. Бирюк рассказывал нам об атамане ст. Мингрельской Вахно: «Большой хозяин. Презирал вот этих всех картежников, пьяниц, гуляк... Если пришло время работать в поле, он запрягае лошадей, берёт козакив и по дворам. Шоб уси булы в стэпи на работе. И если пиймав там пьянствие, в карты, гуляе, то уже им дасть пэрцу!» [12].

Атаман в народной картине мира судит и рядит, невзирая на ранги и отличия: «У його (купца Тютюнова – Т.Ф., О.М.) мэльница. Ны було навеса. А люди тоди мололи не по мешку. Семьи ж булы. По десять и по пятнадцать мешков. В помещение (мельницы. – Т.Ф., О.М.) могли зайти ну, чоловик пятнадцать, а остальные булы на двору... А оно дождик, мочит муку. Вызвал (атаман купца. – Т.Ф., О.М.): “Сергей Нестерович! Сколько тоби вышла та мэльничка?” Да, гаварит, так. “А если навес приделать, скико будэ?” – “А, это недорого!” – “Так вот так, шоб завтра был навес!”. Вот так було. Несмотря, шо он пэрвый гильдии миллионер, шо он купец такой, казал, шоб завтра навес був. Всё, завтра навес був!» [13].

М.И. Недбай вспоминал о своем отце – атамане ст. Каневской: «При нем было весьма понижено воровство, а нас воры совершенно не трогали лет тридцать. Взятки никаких не брал, и никто, даже Бог, не может упрекнуть его в этом. То же завещал он и нам; взятки, ко-

торые ему предлагали, он рекомендовал принести тогда, когда уйдет с должности. Что касается упреков Господа Бога, то это касается Страшного суда над отцом, когда он предстанет. Он изображал так: “І умру я, й візьме мою душу клачучий янгол і однесе до Господа Бога, а неразлучно з ним й чортяка со свитком гріхів й предстану я перед Господом Богом й залитає вим мене: “Тих то такий?”. “Я від повім – отставний сотник Кубаньського козацького війська Іван Іванович Недбаєвський, Господине Боже”. “А ну подай його “формуляр” скаже Бог янголу. “Читай!”. І начне читати янгол: сквернословив, – сквернословив, п’янствував, – п’янствував. Бог тільки хитає головою, а потім й каже: “Погано ти робив, Іване, погано”. Янгол читає далі: хибарів (взяток) не брав, сіріт та вдов захищав, п’янствував, сквернословив...” и в этом духе дальше. Наконец. Бог скаже: “Буде, буде, дата йому по с... (по казенной части) десять малохоів та прогнати його в рай, а мені цього тілки й треба, а “чертяка залищиться ні с чим”» [14, л. 6].

Автор одной из корреспонденций в местной газете писал, что атаманом ст. Березанской «много затрачено труда и энергии на пользу благосостояния станицы, так что теперь уже не слышно в станице ни воровства, ни грабежей, ни убийств, и даже нет драк между гуляющей молодежью, и труды атамана, как видно, не прошли даром. Раньше невозможно было пройти по станице не только ночью, но даже и днем, чтоб не нарваться на какой-либо комплимент, от которого невольно покраснееешь, даже некоторые свои же старики станичники поплатились своими же боками за то, что вздумали наставлять их на хороший путь, но теперь, слава Богу, этого нет, спасибо атаману, искоренил. Несколько раз приходилось мне быть очевидцем, что какой-либо шутник из собравшейся на улицу молодежи скажет: “Атаман идет” – как все бросаются разбежаться во все стороны, куда попало. Они прекрасно понимают, что если атаман поймает, то по голове не погладит. Даже не раз приходилось слышать от почтенных стариков: “Вот атаман, так атаман, спасибо ему, что наших сынкив учит уму разуму”. Да, действительно, новый атаман искоренил в нашей станице хулиганство, и все вздохнули как-то свободнее» [15].

Атаман строго и сурово мирит соседей, поддерживает социальный мир в станице. В.М. Гордиенко вспоминал об атамане Иване Ивановиче Мацаке: «Соседка загрызлась с иногородней. А казачка пошла, та и атаману заявила. Вот так и так... А он: “Вот вам повестка, пусть она придёт, и ты придёшь”. Ну, пришли они обое. Ин и говоре: “Да как же ты, казачка, иногородней уважила, она тебя оскорбила, как же это получается, казачка...”. Ну, он распросил эти жалобы, тада и гаварит иногородней: “Лажися, загаляйся пузом вниз”. А казачке дае плеть и говоре: “Так, вот это ей пятнадцать плетей, штоб вы мирно жили”. Она, эта, казачка, женщина, взяла: шлёп, шлёп. А вин стоял, стоял: “Ах вы... вашу мать”, выхватил плеть у этой казачки, как сиканул пятнадцать, кровь зачала. Встаєть. Тада гаварит казачке: “Ложись ты!”. Казачка лажиться. “Загаляйся!”. Даёт этий плеть: “На, пори казачку!”. Она тоже взяла, так вот жалко: шлёп, шлёп. Вин как выхватил обратно, пятнадцать плетей как дал... Тада сказал так: “Идите домой и живите мирно”» [16].

В реальности атаман нередко отстаивал интересы казачества, демонстративно попирая права иногородних. Характерная ситуация описана в местной газете за 1897 г.: «В одной из молодых станиц, расположенных на приволье, между двумя лиманами, некий молодой “гамсел” – возьми, да и облюбуй (ну не дерзкий ли?) себе невесту из казачек той станицы. Ввиду согласия девушки и ее родителей (жених – парень хороший и дельный мастер), начинаются приготовления к свадьбе. Приготовиться станичнику к свадьбе в нынешние неурожайные годы, каждый поймет, как трудно.

Ну, все готово. Дело за документами невесты.

Прекрасно. Идет ее отец в станичное правление и просит таковые.

– Тобі документів я не дам: – хай молодой приїде, – ответило подлежащее начальство.

Старик-отец, крайне недоумевая, почему именно жениху, а не ему, отцу невесты, должны быть выданы документы, – идет, однако, за женихом и является с ним по начальству.

– Документів я вам таки не дам, получается ответ.

– Да почему же? – недоумевают простаки. О наивный народ!

– Та потому самому, шо ты отдаешь дочку за “гамсела”! – возгласило начальство, обращаясь к выпучившему сначала глаза, а затем потухшему главою отцу невесты» [17].

В традиционном обществе нормальным являлось поведение человека, следующее общепринятым образцам, не уклоняющееся, от раз и навсегда, установленного канона. Такие образцы принимали силу моральных эталонов, причем отход от них рассматривался не только как предосудительный, но подчас и как правонарушение. Станичный атаман в исторической картине мира кубанских казаков выступал хранителем таких ценностных установок. Показателен в этом плане рассказ С.Г. Быбика: «Хлопцы в бричку запрягли коней. А быкив батьке оставили. Гонит, и думает: “А шо я буду йти пиший. Я сяду на быка и верхим, хай йдуть быки”. Атаман побачив: Коваленко едить верхом на быкови. Сразу же одинарного и каже: “Спешись и привязувай. Вызывае атаман”. Если сказав: вызывае атаман, значить всё бросай и иды. Он приходе, тоже ж казак. Так вин (атаман. – Т.Ф., О.М.) йому пощёчины як дав и каже: “Хто тебе разрешав на благословеной худобе ехать верхи? Шо у тебя конэй нема? Сидай верхом на коня, а цэ благословенна худоба, ты може на ей робыв, робыв, а ты верхом на ий едишь, нэ положено”» [10].

Даже внешний облик атамана, как правило, красив и величественен, поскольку отвечает народным представлениям о главе исполнительной власти в станице. Ф.И. Елисеев писал: «В станичные атаманы избирались только хорошие хозяева, люди серьезные, честные, обыкновенно видные вахмистры и урядники. Очень часто ими были бывшие урядники Конвоя Его Величества. Представительный внешний вид атамана также брался во внимание. Станичный атаман являлся как бы начальником гарнизона всех строевых казаков, находящихся на льготе. И вот, бывало, атаман из урядников-конвойцев в парадные дни в своей ярко-алой черкеске, богато и красиво расшитой кавказским галуном, в белом бешмете с широким золотым басоном на воротнике, в оружии под серебром, с насекою (жезлом) станичного атамана – символом его власти, принимал военный парад казаков 2-й и 3-й очередей, подготовительного разряда и школьников своей станицы. Все в черкесках, при холодном оружии, в погонах. Это была та бытовая красота, которая захватывала гордостью всех – и седых бородатых стариков, и молодых жен-казачек и дивчат, тут же толпами любовно смотревших на свое родное казачье Войско. Сам атаман, также с бородою – высокий, крупный, осанистый, с которого хоть портрет пиши» [6, с. 52].

Фигура атамана – обязательный атрибут всех важнейших событий в жизни станичников: праздников, сборов, земельных переделов, судебных тяжб и т.п. Даже в традиционных кулачных боях, проводившихся в станицах по праздникам, атаман – неперемный участник. Один из корреспондентов местной газеты с возмущением сообщал из ст. Переправной в 1910 г.: «Недавно верхняя часть станицы и “низовцы” сразились вовсю. “Верховцам”, по обыкновению, попало.

В это время станичная администрация, принадлежащая к партии “верховцев”, осматривала место будущего базара. Окончив осмотр, станичная администрация направилась к кулачкам. Увидя постыдное бегство “верховцев”, администрация не вытерпела, быстро была сброшена верхняя одежда и перед изумленными “низовцами” уже замелькали не просто обывательские кулаки, а “административные” кулаки заставили отступать “низовцев”, но это был лишь один момент, а потом “верховцы” в арьергарде со станичной администрацией постыдно отступили. При этом более всего, естественно, попало арьергарду. После этой замечательной для переправинцев битвы у станичного атамана, несмотря на всевозможные припарки и примочки, губы долго были чуть ли не вершковой толщины. Больно и обидно становится, что “первые” люди станицы считают забавой заниматься бесцельным избиением друг друга» [18]. Для «просвещенного» корреспондента подобные «нормы поведения» атамана – дикость, но в народных представлениях атаман пребывает с народом и в горестях, и в забавах, атаман, востребованный общественным мнением, отвечающий ожиданиям и чаяниям станичников.

Атаман возглавлял также ритуалы встреч и проводов казаков на службу. «Узнать атаман, шо война... У колокола вдарили, казаки все чисто на площадь выезжают, так крикнул: “Война!” У каждого казака лошадь была, шоб на ей не работали, бешмет, черкеска, сапоги, бурка. Сумы, шашка, кинжал, всё чисто у казака по-военному было. Как ударили в колокола, атаман крикнул: “По коням!” И на Баталпашинку» [16]. На сборных пунктах атамамы подавали примеры стойкости и терпения в нелегкой службе. В одной из газетных заметок так рассказывалось об атамане станицы Новолеушковской: «Далеко не умерли заветы казачества жертвовать жизнью за Веру, Царя и Отечество, ясным доказательством чего служит случай с атаманом ст. Новолеушковской Н.Ф. Макаренко. Старик-атаман Макаренко при отправлении казаков вверенной ему станицы на сборный пункт в ст. Уманскую для отправления последних на далекую окраину Южного Кавказа при напутственном молебствии на церковной площади и при исполнении своих служебных обязанностей, был сбит и стоптан лошадьми казаков, всколыхнувшись при окроплении их священником Святой водой. Выбравшись из-под лошадей и, несмотря на мучительные боли в боку, главным образом, не подозревая серьезной опасности, Макаренко продолжал делать распоряжения и вместе же с казаками отправился в станицу Уманскую, чего от него требовал долг службы. В станице Уманской атаман-герой при исполнении служебных обязанностей целую неделю никому и виду не подал о столь мучительной боли в боку, и только когда возвратился домой, в станицу Новолеушковскую, лег в постель. Пользуемым станичным фельдшером установлено, что у Макаренко переломлено ребро в левом боку. И вот при таком переломе оставаться на посту своей службы, до освобождения от нее; не говорит ли это за героизм казаков, вообще, и за Макаренко, в частности?» [19].

Каждый поступок станичного атамана, таким образом, служил формой, в которой отливались идеалы и социальная практика кубанских казаков. Его высокий общественный статус в народной картине мира налагал на него определённые обязательства. Поэтому индивидуальность каждого станичного атамана неизбежно выражалась в установленных традицией формах. В то же время психология эпохи (кубанской действительности) диктовала стереотипы поведения, которые и реальные поступки делали мотивированными и концептуально заданными.

В целом, наличие потестарной власти в лице станичного атамана, пресекавшего нарушения обычного права, предопределила формирование общего правового убеждения в необходимости следовать традиционным нормам. Строго карая нарушителей общепринятых норм, атаман являлся в народных представлениях гарантом сохранения системы ценностей. Справедливость, моральный облик атаманов, их личные достоинства в казачьей картине мира не всегда совпадали с реальным положением дел, сложившимся в станицах в течение XIX - начала XX вв. Вместе с тем, имевшиеся установки кубанских казаков на идеальную историческую конструкцию диктовали стереотипы их поведения, обеспечивали духовную связь и преемственность поколений.

Примечания

1. *Виноградов П.Г.* Очерки по теории права. — М.: Скл. изд. т-во А.А. Левенсон, 1915. — 155 с.
2. *Небратенко Г.Г., Куксенко Е.И.* Теория и история обычного права донских казаков. — Ростов н/Д: РГУ, 2005. — 248 с.
3. *Успенский И.* Станица Дмитриевская (Исторический очерк) // Кубанский сборник: Тр. Кубан. обл. стат. к-та. Т. 8. 1902 / Под ред. С.В. Руденко. — Екатеринодар: Тип. И.Ф. Бойко, 1901. — С. 204-242.
4. *Бигдай А.Д.* Песни кубанских казаков: В 2 т. Т. 2. Песни линейных казаков / Ред. В.Г. Захарченко. — Краснодар: Сов. Кубань, 1995. — 512 с.
5. *Фарои Т.В.* Правовое регулирование системы государственного управления и самоуправления на Кубани (конец XVIII — начало XX веков): Монография. — Краснодар: КубГУ, 2009. — 250 с.
6. *Елисеев Ф.И.* Первые шаги молодого хорунжего / Сост., науч. ред., предисл., прил., коммент., подбор илл. П.Н. Стрелянов (Калабухов). — М.: Рейтар, 2005. — 304 с.
7. ПМ КФЭЭ-2000. Ст-ца Старовеличковская Калининского р-на Краснодарского края. А/к № 2099. Инф. Новоселецкий Александр Ус-тинович, 1921 г. р.

8. ПМ КФЭЭ-2000. Ст-ца Старовеличковская Калининского р-на Краснодарского края. А/к № 2102. Инф. Гордиенко Илья Филатович, 1918 г. р.
9. ПМ КФЭЭ-1996. Ст-ца Архангельская Тихорецкого р-на Краснодарского края. А/к № 1045. Инф. Курской Михаил Петрович, 1903 г. р.
10. ПМ КФЭЭ-2001. Ст-ца Новодеревянковская Каневского р-на Краснодарского края. А/к № 2424. Инф. Быбик Сергей Гордеевич, 1910 г. р.
11. ПМ КФЭЭ-1998. Ст-ца Преградная Урупского р-на Карачаево-Черкесской Республики (КЧР). А/к № 1421. Инф. Данилов Иван Васильевич, 1920 г. р.
12. ПМ КФЭЭ-1998. Ст-ца Исправная Зеленчукского р-на КЧР. А/к № 1549. Инф. Беляков Иван Артёмович, 1931 г. р.
13. ПМ КФЭЭ-2001. Ст-ца Новодеревянковская Каневского р-на Краснодарского края. А/к № 2424. Инф. Быбик Сергей Гордеевич, 1910 г. р.
14. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 670. – Оп. 1. – Д. 67.
15. Ст-ца Березанская // Кубанские областные ведомости (Екатеринодар). – 1912. – № 42.
16. ПМ КФЭЭ-1996. Ст-ца Удобная Отрадненского р-на Краснодарского края. А/к № 1071. Инф. Гордиенко Василий Михайлович, 1913 г. р.
17. *Волосарн*. Не одним, значит, “гамселама”... // Кубанские областные ведомости. – 1897. – № 41.
18. Ст-ца Переправная (От нашего корреспондента). “Кулачки” // Кубанские областные ведомости. – 1910. – № 22.
19. *Бывалый*. Ст-ца Новолеушковская (Подвиг атамана Макаренко) // Кубанские областные ведомости. – 1914. – № 26.

The role of village ataman in system of customary legal views of Kuban cossacks in XIX - early XX centuries

T.V. Faroi

*the candidate of jurisprudence, the senior lecturer
Kuban state university, Krasnodar*

O.V. Matveev

*the doctor of historical sciences, the professor
Kuban state university, Krasnodar*

Authors attempted to correlate declared and real status of village ataman to customary views of Kuban cossacks in XIX - early XX centuries. The study was conducted on the basis of research literature, archival and published sources and on materials of field studies in Kuban villages during 1993-2005. Article concludes, that cossack ataman was in popular imagination as guarantor of preservation of values.

Keywords: XIX - XX centuries, Kuban cossack ataman, customary law system of cossacks, status, village collection, potestas power, customary law, field studies.

УДК 342(420.62);94(470.62)”18/19”

Специфика правового регулирования земельной собственности в контексте формирования системы государственного управления на Кубани в конце XVIII - XIX вв.

Т.В. Фарои

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В статье охарактеризована специфика правового регулирования земельной собственности на Кубани в контексте формирования системы государственного управления в конце XVIII - XIX вв. Автор проанализировала «Жалованную грамоту» Екатерины II от 30 июня 1792 г., определившую характер землевладения казачества в Кубанском регионе. В статье освещена эволюция казачьего землевладения и землепользования в связи с изменявшимися общественными отношениями. Автор пришла к выводу о том, что характер казачьего землевладения повлиял на процесс становления системы государственного управления на Кубани, вследствие чего здесь существовали традиционно сложившиеся органы власти, основанные на демократических принципах.